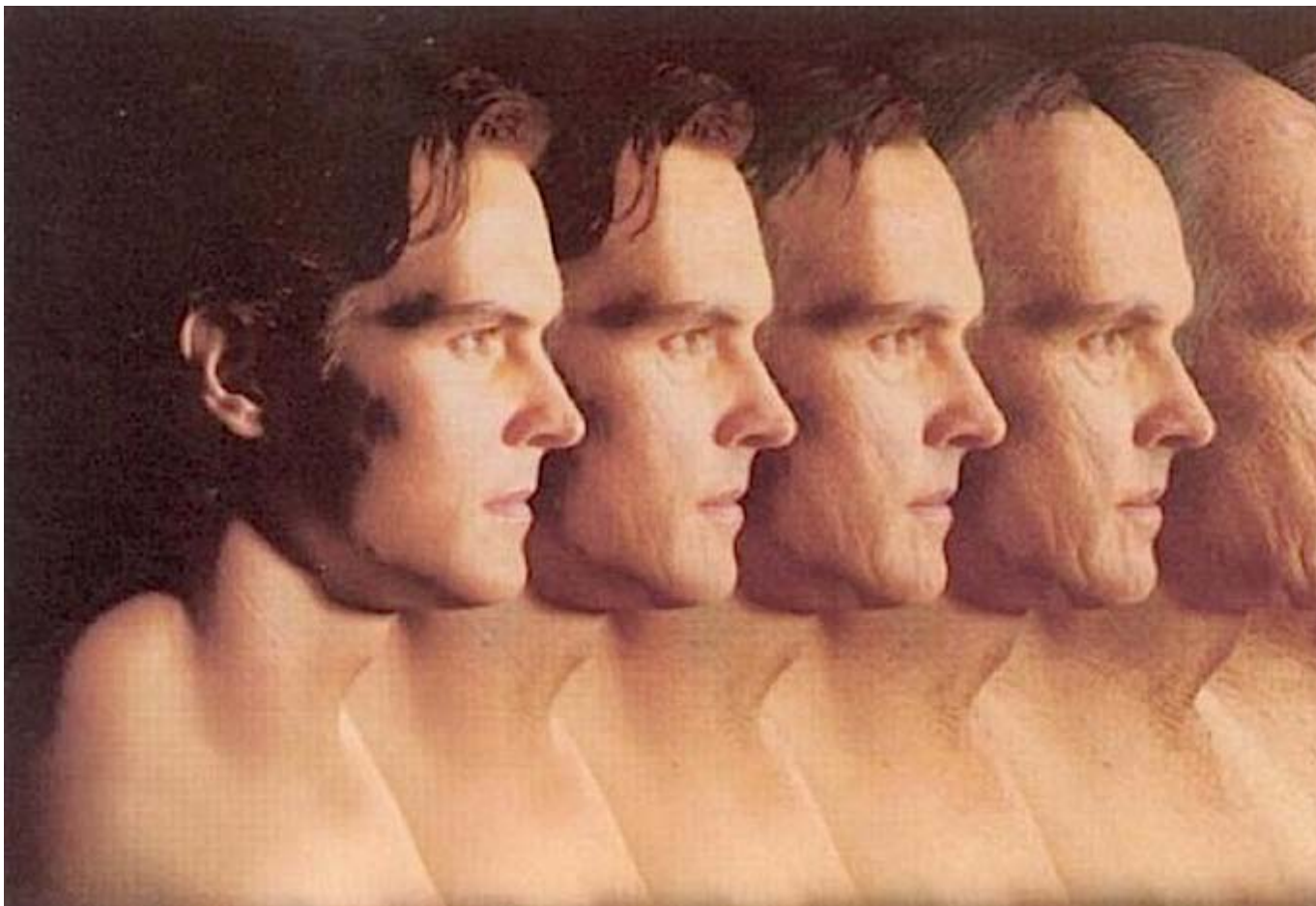

ОСМАН КИБАР: ОБРАТИТЬ ПРОЦЕСС СТАРЕНИЯ ВСПЯТЬ

Если рассматривать данные под микроскопом, то Samumed предстает компанией, в активе которой только и есть что пара препаратов, эффективность которых еще не доказана. Учитывая тенденции в разработке новых лекарств, есть сомнения, что эти препараты вообще появятся на рынке.

Гениальный американский миллиардер турецкого происхождения думает, что ему под силу излечивать артрит, облысение и разглаживать морщины. И это только начало. Он намеревается обратить вспять сам процесс старения.

Если вы введете имя Османа Кибара в поисковик Google, то в первую очередь увидите его фотографии за игрой в покер. Не то чтобы он занимался покером всерьез, просто в 2006 году впервые принял участие в турнире и тут же его выиграл, а годом позже занял второе место из 3000 игроков на чемпионате Всемирной серии в Лас-Вегасе. «Не знаю, как так получилось, – сказал он тогда своему другу. – Запишусь-ка еще на один турнир, чтобы проверить свою теорию». Сыграл еще в одном чемпионате, победил и... завязал.

«В покере есть ты и другие игроки, – говорит 45-летний Кибар. – Сами по себе карты, в общем, не так важны. Но если смотреть в них по 12–14 часов в день, потом наступает эффект длительного похмелья». По его словам, после игры ему трудно было сосредоточиться на чем-либо другом, и поэтому он перестал играть. Вместо покера, чтобы отвлечься, Кибар читает книги по высшей математике и занимается медитацией.

Кандидат технических наук, эмигрировавший в США из Турции после окончания школы, он играл в покер не ради денег. Samumed, базирующаяся в Сан-Диего компания, которую он основал 10 лет назад, имеет репутацию самого ценного в мире стартапа в сфере биотехнологий. Инвесторы, включая частный инвестфонд Ikea, анонимных финансистов и венчурный фонд, вложили в нее \$220 млн, а в ходе последнего раунда Samumed была оценена в \$6 млрд. Сейчас компания на полпути к закрытию следующего раунда инвестиций в размере \$100 млн и оценке в \$12 млрд. Кибару принадлежит одна треть, и его состояние после закрытия раунда приблизится к отметке в \$4 млрд.

Samumed может претендовать на большие инвестиции, потому что, как утверждает, изобрела лекарства, способные обратить процесс старения вспять. Действие первых препаратов сфокусировано на четко определенных проблемах. Один нацелен на стимулирование роста волос у лысых мужчин. Этот же препарат может вернуть исходный цвет седым волосам, а косметологическая версия призвана помочь разглаживанию морщин. Второй препарат направлен на регенерацию хрящей в коленных суставах пациентов, страдающих артритом. На ранней стадии испытаний находятся средства, нацеленные на прекращение дегенерации позвоночных дисков, устранение рубцовой ткани в легких и излечение от рака. После этого Samumed попытается заняться наиболее распространенной причиной слепоты и болезнью Альцгеймера.

Фокусируясь на разных болезнях и симптомах поочередно, компания пытается найти способ заставить клетки стареющих людей регенерировать так же быстро, как у растущих эмбрионов. Все это звучит очень увлекательно, но одновременно спекулятивно. Первые исследования показывают, что препараты достаточно безопасны, действительно стимулируют рост волос, сокращают болевые ощущения и улучшают подвижность суставов при артрите. Но важно помнить, что 80 % препаратов, находящихся на этой стадии разработки, в конечном итоге не попадают на рынок. А такая высокая оценка Samumed – просто безумие. Самая дорогостоящая из публично торгующихся биотехнологических компаний, в активе которой нет одобренных для продажи лекарств, оценивается «всего» в \$6 млрд. Более того, все инвесторы в биотехнологиях напуганы примером Theranos – компании, разработавшей новый метод проведения анализов крови и оценивавшейся в \$9 млрд, до того как точность ее метода была поставлена под сомнение. Так что вопрос – нашел ли Осман Кибар фармацевтический источник молодости или он просто один из самых талантливых игроков в покер, каких только видел этот мир, – остается открытым.

Кибар родился в Измире. Это напротив греческих островов на побережье Эгейского моря. Там тепло и красиво, и по сей день ему не по себе от холодной погоды. Окончив начальную школу, он поступил в Роберт Колледж в Стамбуле – в эту элитную школу берут только тех, кто вошел в 0,2% школьников, показавших лучшие результаты по итогам общенационального тестирования, которое проходят в 11 лет.

Роберт Колледж стал прелюдией к Samumed: именно там Кибар подружился с товарищами, которые впоследствии займут в компании посты финансового директора и директора по медицинским технологиям. После школы он поехал учиться в Калифорнию, которую выбрал за ее климат, в колледж Помоны (бакалавр, математическая экономика, 1991), Калифорнийский технический (бакалавр технических наук, инженерный факультет, 1993) и Университет Калифорнии в Сан-Диего (кандидат наук, биофотоника, 1999). Еще в аспирантуре Кибар основал биотехническую Genoptix, которую в 2011-м за \$470 млн купила Novartis. Он также стал сооснователем E-Tenna, производившей антенны для беспроводного интернета. Эту компанию разделили на две части и продали Intel и Titan Corp. Ни в одной из них он не занимал управленческих постов.

Кибар решил уйти из теоретической науки, потому что, на его взгляд, в академических кругах все было слишком бюрократизировано. Он переехал в Нью-Йорк, чтобы работать в фонде Requot Capital, где занимался поиском новых технологических стартапов. Там же жили его друзья по Роберт Колледжу, и они раз в неделю собирались, чтобы поиграть в баскетбол. Но кто-то стал обзаводиться семьей, кто-то получил повышение, и игры случались все реже и реже. Кибару разонравилась его работа в Requot, где прорывным технологиям стали уделять намного меньше времени. «Однажды утром я проснулся и понял, что сам не заметил, как превратился в инвестиционного банкира», – вспоминает он.

И тогда Кибар решил вернуться в Сан-Диего, где всегда было солнечно и ему не хотелось проводить целые дни, закутавшись в одеяло. В аэропорту в Турции он случайно встретил одного из друзей по Роберт Колледжу – Седета Самикоглу, банкира, который, поработав в Goldman Sachs, стал партнером в могущественном хеджинговом фонде Greywolf Capital.

На обратной стороне своего посадочного талона Кибар набросал свою инвестиционную стратегию, которая состояла в том, чтобы сфокусироваться исключительно на технологиях, которые могли полностью изменить мир. После этой встречи Самикоглу помог ему получить \$3,5 млн на запуск новых стартапов. Один из них, расположившийся в инкубаторе Pfizer, назывался Wintherix. Из него со временем вырос Samumed.

Но договоренности с Pfizer, в рамках которых был создан Wintherix, обернулись конфликтом. Через два года Pfizer решил отказаться от дальнейшей разработки препаратов, которые исследовались в рамках Wintherix, и обе компании подали иски против друг друга. В одни прекрасные выходные Wintherix по-тихому съехала из инкубатора. Какой-то сотрудник стартапа 130 раз использовал свой пропуск для прохода через турникет, чтобы вынести оборудование и документы.

В своем иске в 2010-м Pfizer утверждал, что Кибар организовал дополнительный раунд финансирования, чтобы размыть долю фармацевтического гиганта в стартапе с 60 до 2,6%. Wintherix в свою очередь заявлял, что Pfizer намеренно пытался обанкротить стартап, препятствуя получению инвестиций, чтобы купить компанию по дешевке. В ходе судебных разбирательств баланс на банковских счетах Wintherix сократился до \$9000. Но Кибар нашел деньги. Его зять Угур Байяр, генеральный директор Credit Suisse в Турции, стал ведущим инвестором в раунде, в ходе которого друзья и члены семьи вложили в компанию Кибара \$2,4 млн.

В 2012 году Pfizer решил договориться с Wintherix во внесудебном порядке, оставив стартапу все права на препараты. Кибар изменил название компании на Samumed – от используемого в дзен-буддизме термина samu, означающего медитацию в ходе выполнения рутинной работы вроде посадки семян или рубки деревьев. Но в Pfizer были и те, на кого Кибар произвел впечатление. Глава венчурного фонда Ven Bio, инвестор Кори Гудман, в то время входивший в управленческую команду Pfizer, впоследствии стал консультантом Samumed и сейчас занимает в компании небольшую должность.

Когда судебное разбирательство завершилось, Кибар снова позвонил Самикоглу: «Чем ты сейчас занят?» Тот ответил, что инвестировал деньги в проекты в Турции. Он вернулся домой, чтобы ухаживать за своей матерью, больной раком, но она умерла. «В общем, ты ничем не занят, – констатировал Кибар. – Приезжай, поможешь». Самикоглу стал финансовым директором Samumed и вложил в компанию собственные средства.

Переживая за успех стартапа, он попросил совета у Юсуфа Язичи, еще одного друга по Роберт Колледжу, который тогда возглавлял отделение ревматологии в Нью-Йоркском

университете. Самикоглу хотел узнать, насколько состоятельны расчеты Кибара с научной точки зрения. Он организовал телефонную конференцию с Кибаром, которая вместо 15 минут затянулась на час. Прямо во время разговора Язичи прислал ему СМС: «Ты должен помочь мне войти в этот проект. Осман нашел всемогущее лекарство».

Еще один друг по Роберт Колледжу, Арман Оруч, ушел с поста партнера в элитной юридической фирме Simpson Thacher & Bartlett, чтобы стать юристом Samumed. Он даже не вспомнил, что нужно обсудить зарплату, перед тем как переехать в Сан-Диего. Затем и Язичи тоже вошел в команду, как директор по вопросам медицины. «Надеюсь, эта бредовая затея как-то себя окупит, – сказала Оручу его жена, когда Язичи тоже переехал в Калифорнию. – Теперь ты начинаешь втягивать в это людей, которые мне нравятся».

Что такого было у Кибара, что его школьные друзья, у каждого из которых была своя успешная карьера, согласились войти в его команду, с зарплатой примерно \$300 тыс. в год, без всяких бонусов? Многие в их решении было основано на вере в директора по научным разработкам и сооснователя Samumed Джона Худа.

49-летний Худ изобрел лекарство от рака, ради которого Sanofi купила его предыдущую компанию Targegen за \$635 млн. У него особый подход к разработке лекарств: он считает, что другие ищут там, где попроще, и потому сам предпочитает заниматься работой, которую в других компаниях отдают на аутсорсинг. Худ лично работает над формулой, тестирует лекарства на животных и проводит клинические испытания.

Первые проекты Худа и Кибара были направлены на достаточно очевидную цель: ген под названием Wnt – эта аббревиатура образована от английского wingless, что означает «бескрылый», потому что при мутации этого гена у дрозофил не вырастают крылья. Ген является связующим звеном в группе генов, контролирующих рост зародыша – не важно, у мухи или у человека. Группа известна как сигнальный путь Wnt. Запустите механизм некоторых из этих генов, и вы сможете регенерировать старые ткани. Некоторые виды рака делают свою черную работу, перестраивая сигнал Wnt. Блокировка этого сигнала может остановить рост опухоли.

Большинство других исследователей, которые работали в этом направлении, использовали одну из рабочих лошадей биомедицины: линию клеток, полученных от эмбриона, абортированного в Нидерландах в 1973 году. Эти клетки легко использовать в лаборатории, но за несколько десятилетий интервенций они стали непохожими на обычные. Худ решил искать цели для воздействия лекарств в клетках колоректального рака, которые выделяют Wnt. Затем ему нужно было сравнить их со здоровыми клетками кишечника. Процесс занял почти три года. И что удалось найти? Samumed не отвечает на этот вопрос прямо. Обычно в патенте указывается, на какие химические вещества воздействует лекарство. Но в 2013 году Верховный суд США в решении по делу о тестировании генного варианта, вызывающего рак груди, постановил, что гены не могут быть запатентованы. Samumed интерпретирует это постановление так, что компании могут обращаться за патентами, но не указывать при этом в описании биохимические сигнальные пути. «Это наша коммерческая тайна», – говорит Кибар.

Но с точки зрения ученых, такой подход – серьезная проблема. «Всегда приходится идти на компромисс, – говорит Разль Нюсс, эксперт по Wnt из Стэнфордского университета. – Тяжело найти молекулу, которая будет влиять на болезнь, но не затрагивать здоровые ткани. Чтобы найти нужный баланс, необходимо понимать механизм действия лекарства». Кибар говорит, что переживают по этому поводу только ученые и конкуренты.

Что компания готова демонстрировать, так это данные исследований на животных и людях. У лишенных шерсти мышей и мини-свиней после использования препарата шерсть отрастает заново. В испытаниях лекарства против артрита крысам надрезали связки, чтобы запустить процесс разрушения хряща в коленных суставах. Препарат Samumed обеспечивает восстановление хрящей, и крысы снова начинают ходить. Но излечением животных никого не удивишь. «Я видела десятки успешных испытаний на животных, которые никак нельзя было перевести в клинически значимые для людей результаты», – говорит Нэнси Лэйн, ревматолог в Университете Калифорнии, работающая с Samumed в качестве оплачиваемого консультанта.

Так что же происходит с людьми, когда они принимают эти препараты? В марте Samumed представила данные о тестировании средства против облысения под кодовым названием SM04554. В исследовании принимали участие 300 пациентов Американской академии

дерматологии в Вашингтоне. Головы участников теста были сфотографированы, а все волосы пересчитаны. У тех, кто принимал плацебо, количество волос снизилось на 2,5%. У тех, кто ежедневно втирал в кожу головы 0,15%-ный раствор SM04554, их число увеличилось на 9,6%. А у тех, кто получил 0,25%-ный раствор, количество волос выросло на 6,9%.

Специалисты по росту волос, увидев данные, не были впечатлены. По их мнению, эти результаты недостаточно масштабны, чтобы утверждать, что они не стали результатом случайности или что мужчины действительно будут ощущать, что у них стало больше волос. «Думаю, что в лучшем случае они продемонстрировали тенденцию», – говорит Дэниел Зелак, дерматолог в Центре интегративной медицины Ла Джолла, Калифорния.

Вильма Бергфелд, эксперт по потере волос из Кливлендской клиники, в прошлом президент Американской академии дерматологии, помогала Samumed с исследованием потери волос. Она утверждает, что еще рано говорить о том, будет ли препарат более эффективным, чем Rogaine – лекарство, вышедшее в 1988 году. Вокруг него было много шумихи, но мужчины как лысели, так и продолжают лысеть. Большинству мужчин Rogaine помогает предотвратить дальнейшую потерю волос, но не позволяет снова отрастить шевелюру. Средству, которое разработала Samumed, нужно показать лучший результат.

Если говорить об оценке и медицинских перспективах Samumed, намного важнее, какие результаты покажет лекарство против артрита. Свыше 27 млн американцев страдают от этого заболевания, развивающегося по мере стирания хрящей в суставах. Каждый год 700 тыс. человек проходят операцию по замене суставов на металлические, потому что из-за возраста и нагрузок их кости стерлись до основания. Еще 300 тыс. получают искусственные тазобедренные суставы.

Самое крупное из исследований разработанного Samumed препарата SM04690 против артрита включало всего 60 пациентов. Аллан Гиббофски, профессор в медицинском колледже Вейл Корнелл, который консультировал Samumed, подчеркивает, что даже для такой небольшой выборки результаты выглядят очень хорошо. Пациенты, которые принимали SM04690, показали лучшие результаты, чем группа плацебо, – согласно двум опросам, измерявшим, как хорошо функционируют суставы и насколько уменьшилась боль. Рентген показал, что расстояние между костями в коленных суставах увеличилось, что является возможным индикатором роста хрящевой ткани.

Но опять же собственные консультанты Samumed считают, что это лишь предварительные данные. Дальнейшие доказательства можно будет получить после завершения исследований, в которых принимают участие 445 человек. Samumed планирует завершить исследования к концу года.

«Это немасштабные и предварительные результаты, – говорит Небойса Скрепник, руководитель исследований в Ортопедическом институте города Таксон, штат Аризона, который помогает проводить испытания. – И небольшое число пациентов. Да, можно в целом понять, в каком направлении следует ожидать результатов. Но можно ли уже делать выводы, которые будут эффективны и выдержат критическую научную оценку? Скорее нет».

Если рассматривать данные под микроскопом, то Samumed предстает компанией, в активе которой только и есть что пара препаратов, эффективность которых еще не доказана. Учитывая тенденции в разработке новых лекарств, есть сомнения, что эти препараты вообще появятся на рынке. Но инвесторы, очевидно, видят в компании что-то привлекательное, революционное и потенциально выгодное.

«Мы можем только сказать, что они достигают именно того, чего намеревались достичь, – говорит Бьорн Кониг, глава фонда инвестиций в Inter IKEA Group, крупнейшего инвестора Samumed. – Деньги важны для всех, но наша основная мотивация здесь – построить компанию, которая будет работать долго и поможет облегчить боль многих пациентов по всем мире».

Инвесторы Samumed утверждают, что она уже стоит столько же, сколько BioMarin и Incyte – компании, которые вывели на рынок препараты с годовым объемом продаж \$889 млн и \$753 млн. Один только препарат против артрита оправдывает такую высокую оценку, настаивает Финиан Тан, инвестор в Samumed из фонда Vickers Venture Partners, который, работая в Draper Fisher Jurvetson Planet, заключил легендарную сделку, инвестировав на раннем этапе в Baidu. Он считает, что препарат Samumed против артрита может стать самым продаваемым лекарством в истории. «Сейчас у меня болит нога во время бега, – говорит он. – Если можно будет нарастить хотя бы один миллиметр хряща, то я буду колоть себе лекарство, при отсутствии побочных эффектов. Думаю, что если кто-то – не важно кто – научится растить хрящевую ткань, это будет большой прорыв, чем Apple».

У инвесторов Samumed есть прецеденты. Sovaldi – лекарство от гепатита С, которое принесло Gilead Sciences \$32 млрд дохода, было продано за \$11 млрд, а это только один препарат. Samumed обещает еще больше.

У препарата против облысения и лекарства против артрита есть одинаковая проблема: вместо того чтобы становиться эффективнее при более высокой дозе, они работают в одной узкой зоне. Это признак того, что результаты могут быть просто статистической погрешностью. Но это может быть также признаком того, что у препарата есть оптимальная доза, выше которой Wnt чрезмерно активизируется. Несомненный плюс – эти лекарства безопасны, потому что Худ сделал так, что они остаются только в местах, где их применили, – на голове или в колене, не распространяясь по телу, как большинство препаратов.

Если эти лекарства работают, большие шансы, что и другие препараты Samumed тоже будут работать. Находится в разработке лекарство от рубцовых изменений в легких, возникающих вследствие идиопатического легочного фиброза. А также средство от макулярной дегенерации, которая приводит к слепоте. Может так случиться, что все эти препараты со временем оправдают оценку компании в десятки миллиардов? Безусловно, хотя для этого нужно, чтобы очень многое сложилось.

Ясно одно: Samumed – это не Theranos. У последнего был очень сложный для понимания бизнес-план. Как мог стартап, намеревающийся победить гигантские сети лабораторий, предлагая дешевые исследования крови и тем самым сокращая объем рынка, стоить столько же, сколько лидеры отрасли Lab Corp и Quest? Более того, несмотря на все уверения Theranos, похоже, что компания вывела свою технологию исследований на рынок до того, как та была полностью отработана, и тем самым поставила под риск пациентов.

Samumed ничем подобным не занимается. Если препараты получают необходимое для выхода на рынок одобрение Управления по надзору за качеством продуктов и медикаментов, то только доказав свою эффективность. Если инвесторы готовы вести игру с дальним прицелом и ждать, пока компания выпустит мегахит, – отлично. Мы увидим результаты крупных клинических испытаний первых препаратов в течение следующих полутора лет.

После целого дня интервью в офисе компании в Сан-Диего (в Samumed работают 120 сотрудников, есть собственные лаборатории и комнаты, полные мышей и крыс) Кибар и Самикоглу отправляются в ресторан есть суши. К этому моменту разговор ведет в основном Самикоглу, а Кибар сидит тихо, как игрок, посматривающий в свои карты и внимательно оценивающий противника, в ожидании момента, когда будет пора поднять ставки.

Мэтью Херпер

[Источник](#)